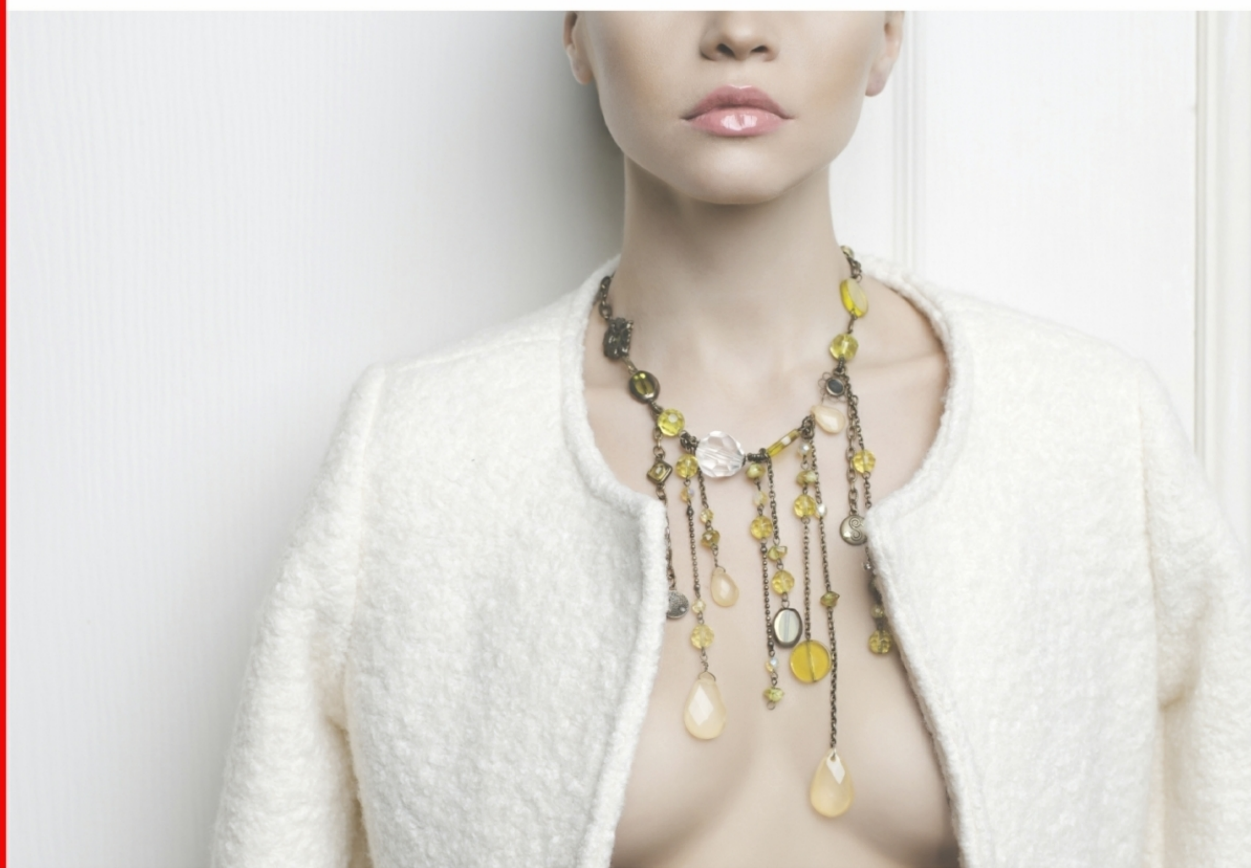

Елена Стриж

КНИГА 5

*Любовь
есть единственная
разумная деятельность человека*

Щекотка

*Щекотка
Ветряная мельница
Ветерок
Джек
Откуда приходят желания?*

18+

А. Эротика. Любовь есть
единственная разумная деятельность

Елена Стриж

Щекотка

«Автор»

2019

Стриж Е.

Щекотка / Е. Стриж — «Автор», 2019 — (А. Эротика. Любовь есть единственная разумная деятельность)

ISBN 978-5-532-93075-9

Все началось с одного события в детстве. Когда Вера купалась, младший брат утащил ее одежду. Возвращение домой голой оставило волнующие эмоции, которые перешли из фантазии в реальность. Героиня повзрослела, но воспоминания, что ее могли увидеть раздетой, всегда манили Веру. Она вышла замуж, стала солидной женщиной, но детские эмоции не покинули ее. Офис, она осталась одна и вот... Но чтобы узнать, что произошло, надо прочесть книжку.

ISBN 978-5-532-93075-9

© Стриж Е., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Автор рекомендует:	5
Предисловие	6
Щекотка	7
1	7
2	13
3	16
4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Елена Стриж

Щекотка

Автор рекомендует:

Серия: [Любовь есть единственная разумная деятельность](#)
«[Цветные голоса](#)», «[Умышленная блокировка](#)», «[Погружение](#)», «[Хвостик](#)», «[Щекотка](#)»,
«[Я не такая](#)», «[За стеклом](#)», «[Крик](#)», «[Три К](#)», «[Ракушка](#)», «[Беги](#)».

Серия: [Розовый бархат](#)

«[Розовый бархат](#)», «[Что там?](#)», «[Тишина](#)», «[Щекотка](#)», «[Шепот](#)», «[Погружение](#)».

Серия: [Крик](#)

«[Стук](#)», «[SEX-машина](#)»

Серия: [Любовь в процентах](#)

«[Начало. Часть 1](#)», «[Игрушка](#)», «[Любовь в процентах](#)».

Серия: [Щекотка](#)

«[Почему бы и нет](#)», «[Котятки](#)», «[Круг](#)», «[Маньяк](#)», «[Клеймо](#)», «[Сволочи](#)», «[Клуб](#)»,
«[Мармеладка](#)».

Серия: [Тетрадка](#)

«[Черновик-1](#)», «[Черновик-2](#)», «[Черновик-3](#)»,

Предисловие

«Любовь есть единственная разумная деятельность человека»
(Л. Н. Толстой)

Сточки зрения науки **Эксгибиционизм** (лат. *Exhibeo* – *выставлять, показывать*) – форма отклоняющегося сексуального поведения, когда сексуальное удовлетворение достигается путём демонстрации половых органов незнакомым лицам.

Возникновение эксгибиционизма как явления связано с распространением постоянного **ношения одежды** и сопутствовавшему ему **представления о постыдном** характере наготы.

В культурах, где нагота не считалась постыдной, эксгибиционизм не наблюдается. В западной цивилизации его появление связывают с распространением **пуританской идеологии**, которая **подавляет** сексуальность.

В животном мире демонстрация эрегированного полового члена имеет вполне определённый коммуникативный смысл: это жест вызова, агрессии, готовности к нападению, он символизирует силу и власть. Аналогичные явления имеют место и в человеческом обществе, об этом говорит распространённость и значение символических фаллических жестов (кукиш, фак и т. д.). Н. Mester объясняет эксгибиционизм реликтовыми инстинктами, которые побуждают человека к самоутверждению, демонстрации значительности собственной личности путём фаллической демонстрации.

Читайте и делайте свои выводы.

«Без любви жить легче, но без нее нет смысла» (Лев Толстой)

Щекотка

1

– Если узнаю, что опять ходила на речку, выпорю! – так мама каждое утро говорила Вере. – Тебя это тоже касается, – обращалась она к ее брату.

А что делать летом в деревне, если не ходить в лес, не играть и не купаться. Ну вот что? Маринка на пару дней уехала в город, Светку бабушка наказала и теперь та окучивает огород. Вера, оттолкнув младшего брата, села у окна и стала строить свои коварные планы на день. Лешка, ее брат, сейчас убежит к Витке, что живет через дом. Они уже третий день строят за сараем свою крепость. Но ей с ними неинтересно.

Вера покрутилась и, дав подзатыльник Лешке, пошла в огород.

– Мамка говорила не купаться! – крикнул он ей в след.

– Отстань.

– Расскажу.

– Получишь у меня. Понял! – и даже не взглянув на брата, открыла калитку и перешагнула запретную черту.

– Все равно расскажу, – донесся его голос, но Вера уже не слышала его.

Она перемахнула через картофельные ряды и быстрым шагом скрылась в кустах. До речки идти не так уж и далеко, надо свернуть налево, через огороды баб Клавы. Можно и тут пройти, но здесь вдоль берега рос непроходимый камыш, а ей нужно добраться до поворота, а после под мост. Он вообще выглядел странно: кругом поля и лес. Куда дорога вела, а кто его знает, кажется, по нему никто и не ездил, разве что раньше, когда был колхоз.

Вера прислушалась. Тишина, только стрекот кузнечиков и смешные стрекозы, словно маленькие вертолеты, зависали над водой, кружились и резко улетали обратно в лес. Она уже много раз приходила сюда. Ее никто не застывает, да и некому. Присела на бревно, опустила ноги в воду и стала слушать, как вода журчит. На душе что-то щекотало, она передернула плечами, покрутила головой из стороны в сторону и, быстро поднявшись, стала раздеваться.

Чтобы мама не узнала, Вера снимала все, что на ней было и, осторожно ступая, погружалась в воду. Так тихо. Она закрывала глаза и, раскинув руки в стороны и стараясь держаться на воде, спокойно плыла по течению. «О чем там Маринка говорила? – думала девочка, щурясь от яркого солнца. – Вроде ей книжки привезли, надо взглянуть». В прошлый раз они вместе читали про Людовика, несколько глав не было, кто-то умудрился их вырвать. Но это не помешало девочкам повздыхать и представить, каково это – жить в замке.

Вера несколько раз нырнула, заплывала под ивы. Но там, как и в прошлый раз, ничего не было. Одной купаться скучно, она еще немного поплавала и решила вернуться домой. Но как только вышла на берег, тут же замерла от ужаса. Ее одежды не было.

– Козел, – первое, что успела сказать она. – Поймаю, отлуплю.

Вера завертела головой в поисках платья, но его не было, так же как трусиков и даже сандалий. Она взвыла от гнева на своего брата. Он давно обещал, что если она будет купаться, то стащит ее одежду. Ну кто еще мог на такое решиться, только Лешка.

– Отлуплю! – крикнула она. – Верни обратно!

Но ответа не последовало, будто вещи просто испарились. Она не боялась купаться голышом, но остаться без одежды – это уже другое дело. Не то страх, не то гнев, не то ужас овладел ею. Она быстро вернулась в речку и, продолжая вертеть головой по сторонам, старалась найти выход из положения.

Может Лешка забросил вещи в кусты. Пришлось снова выйти из воды. Она озиралась по сторонам, будто ее могли тут увидеть. А кто тут вообще ходит? Так, старики на покос, да иногда горожане, что ходят в лес по грибы. И все же Вера боялась, что ее засекут, а еще осмеют мальчишки. В животе все сжалось, ноги с трудом слушались, а сердце так и тарахтело, как у дядь Паши его мотоцикл.

Вера под самым мостом вышла на берег, прижимаясь как можно ниже к земле, словно кошка на охоте. Уши улавливали любой шум, треск сучьев. Она замирала, медленно поворачивала голову на шум и, убедившись, что ей ничего не угрожает, двигалась дальше.

Сколько раз она тут бегала, но сейчас на ней ничего нет. Ужасное состояние быть голой. Ее глаза пристально всматривались в кусты, выискивая розовое пятно платья, но его не было.

– Поймаю, отлуплю, – шептала она и продолжала двигаться дальше.

Так Вера шаг за шагом обследовала берег, все пространство под мостом, даже высунула голову из-за моста, но ее одежды нигде не было.

– Дурак, козел противный. Что мне теперь делать? – чуть ли не рыдая прошептала девочка и опять спустилась под тень моста. – Лешка, верни! – на всякий случай крикнула она, но ответа снова не последовало.

Мысли вернулись из прошлого, тихо пиликал стационарный телефон, лампочка, мигая красным цветом, сообщала, что вызов идет от секретаря.

- Да, – спокойно сказала молодая женщина.
- Вера Степановна, к вам на собеседование пришли.
- Хорошо, пусть проходят.

И тут же отключила громкую связь. Вот уже четвертый год она работает начальником отдела кадров на мебельной фабрике «ТриЯ». Почти целый год потратила на то, чтобы хоть как-то навести порядок с тем бардаком, что творился с документами. А после поставила ультиматум: либо она уходит, либо ей расширяют полномочия в работе, включая самостоятельный прием, а также увольнение за нарушение трудовых контрактов. Руководство видело только часть производственного цикла: выставки, контракты, показатели оборотов. Но они не очень вникали в вопросы кадров. А тут как раз было на что смотреть.

- Можно? – постучав в дверь, заглянула уже в возрасте женщина.
- Да, проходите.

У нее на столе лежали заявки на подбор сотрудников: бухгалтер, крановщик, водитель электрокара, два разнорабочих и сотрудник в делопроизводство, старого она лично уволила за безграмотность.

- Вот, – женщина протянула стандартный бланк-анкету.
- Хорошо, давайте сразу перейдем к делу, – Вера не любила сюсюкаться, некогда, слова излишни. – Как у вас с русским языком?
- В школе была пятерка, но время...
- Понимаю, вот вам тест, в вашем распоряжении десять минут. Прошу, присаживайтесь и начнем.

Женщина присела и без лишних слов стала вносить в пробелы буквы. Вторым тестом была скорость печати и знание программ, с которыми ей придется иметь дело. Вроде простая должность, но Вера Степановна устала отказывать. Двадцать пять претендентов и все пустышки. Только последняя оказалась той, которую она приняла на работу. Смешно сказать, но к ней приходили преподаватели русского языка, и безграмотность пестрила. А вот эта девушка по национальности татарка, просто умничка, ни одной ошибки. Вера даже не поверила, когда просматривала ее тест.

Девочка злилась. Она вернулась к реке, озираясь по сторонам. Зашла в воду и уже нехотя поплыла. Деваться некуда, Лешка забрал ее вещи. Наверняка теперь, улюлюкая от радости, мчится по огородам домой. Но что ей делать? Она медленно плыла вдоль зарослей ивы. Еще немного, и пойдут камыши, а у них листья острые, могут и порезать.

Захотелось вернуться обратно под мост, может вещи там? Но Вера знала точно, что нет. Опять в душе промелькнул страх, и сразу стало холодно. Выйти, а что дальше? Вера не знала что делать. Осторожно подплыла к камышам и ступила на глинистое дно.

– Бе... – поморщилась девочка и, выпрямившись, покосилась на противоположный берег.

Стараясь не повредить ступни, она стала пробираться через камыши. В какой-то момент даже забыла, что голая. Жесткая трава кололась, откуда-то взялись слепни и как истребители стали кружить над ней.

– Пошли прочь, – отмахиваясь от них, прорывала Вера и продолжила свой опасный маневр среди высокой травы.

Минут через десять она миновала непроходимые, как ей раньше казалось, береговые заросли, а дальше начиналось самое опасное. Она опять съежилась. Чувство стыда, будто на тебя уже смотрят множество глаз и о чем-то там шушукуются. Ком в горле не дал ей запла-

кать, она как можно ниже присела и стала всматриваться в небольшую поляну, что разделяла камыши от огорода бабы Клавы.

– Вроде никого, – тихо, словно ее мог кто-то услышать, сказала Вера и, стараясь держаться как можно ниже, двинулась дальше.

Ее слух улавливал далекие голоса, лай собак, мычание коров и рокот трактора. Ей надо было только добежать до картофельного поля, а там высокая ботва. Но эта поляна ее пугала. Вера встала на коленки и, быстро перебирая руками, тронулась дальше.

– Лишь бы никто не увидел, лишь бы не увидел, – постоянно твердила она, прижимая тело все ниже и ниже.

Еще немного, и она будет спасена. Двигалась словно по минному полю, страх, холод, ужас, но надо добраться до картофельного поля.

– Прибью, – вдруг вспомнила Вера, кто виноват в том, что она ползла на корячках.

Еще несколько метров. Она приподняла голову. Никого. Вера быстро юркнула между рядами и, растянувшись на теплой земле, замерла. Сердце трепыхалось как у загнанного собакой кролика.

Вера Степановна прочитала докладную на очередное горе-секретаршу. На эту должность ставили в основном по блату, знакомый знакомых или просто чьих-то дочек. Вот только они забыли, что это все же работа, которая изначально подразумевает большой спектр знаний.

– Пригласите Светлану из отдела логистики, – сказала она по громкой связи.

Милая девочка. Она ее видела несколько раз, грамотная и знает программы и технику, но скорость работы ужасно медленная.

– Здравствуйте. Можно? – в дверях появилась девушка, ну прям с обложки.

– Проходи. У меня к тебе вопрос, что происходит?

– Не поняла.

– Хорошо, садись за стол, вон компьютер, зайди через уделенный стол на свой компьютер и покажи, как ведешь работу с почтой.

– Ага, – по-свойски сказала Светлана и, лихо сев в кресло, неестественно выгнула пальцы.

– Стоп! Это что у тебя такое? – Вера Степановна быстро подошла и посмотрела на ее ногти.

– Нельзя? – чуть стушевавшись, спросила девушка.

– Ладно, вот текст, – она тут же достала бланк, что применяла для сотрудников делопроизводства и сказала. – Время десять минут. Если успеешь все напечатать, оставляешь ногти, если нет, то два выхода: или приводишь в порядок или растянемся.

– А.. а.. мне разрешили.

– Я не разрешаю. Итак, печатаешь в два раза медленнее – и зарплата в два раза меньше. Согласна?

– Я постараюсь.

– Уж попробуй. Все, время пошло.

Вера ползла как партизан, старалась делать это как можно осторожней, чтобы даже ботва не шевелилась. Изредка поднимала голову, чтобы убедиться, что баб Клава все еще в палисаднике. Она хоть и туга на ухо, но глазастая, все увидит. Еще немного, и будет тропинка между картофельным полем, а если ей удастся незаметно подползти к забору, то еще чуток, и пойдут кусты малины. Вера не спешила, тут главное – выдержка. Она даже забыла, что злилась на брата и что ее голый зад изредка поднимался над ботвой.

Набравшись смелости, она быстро перебежала и сразу замерла. Никто не окрикнул, значит пронесло. Сердце так и стучало: тук-тук, тук-тук.

– Фух, – выдохнула Вера и, озираясь по сторонам, шмыгнула в кусты.

Осталось немного, но надо преодолеть еще одно опасное препятствие. Между домами был огород, который делил пространство надвое. Но вот со стороны улицы все было открыто, только редкий забор. Но он ее точно не прикроет.

– Блин, – тихо прошептала Вера и выглянула из-за кустов.

Какой-то мужик прошел мимо, сердце колотилось, а в животе все урчало. Вера набралась смелости, подождала, пока скроется очередной прохожий и быстро, словно наперегонки, метнулась к сараю. Тут же упала на землю и вся превратилась в слух. Тишина, никто не крикнул, не возмущился.

– Круто, – уже радостно сказала она и шустро, словно ящерица, доползла до высоченного забора, за ним ее спасение.

Она сперва подумала остаток расстояния пройти через свой огород, но вспомнила про брата, что тот может притаиться где-то поблизости. Да и отец мог прийти на обед. Оставалось одно – перелезть через забор и в коровник. Легко сказать, но она никогда не лазила по такому высоченному забору, а сможет ли? Задрала голову вверх и с ужасом подумала, как будет карабкаться.

– А если Витька увидит, то все, пиши пропало, вся деревня будет знать.

Опять нахлынул страх и стыд за свое голое тело, она сжалась как побитая собака и слабо прошипела:

– Прибью, – она имела в виду Лешку, своего брата.

Минут пять Вера лежала, но чем дольше оттягивала время, тем тяжелее становилось. Она слышала, как проехала машина, как кто-то разговаривал на дороге. Все стихло.

– Пора, – сказала девочка и, подняв голову, покрутила ею по сторонам. – Никого, – подвела итог и тут же резко вскочила и с лёгкостью акробата через секунду очутилась по другую сторону.

Она шлепнулась на землю и, не веря тому, что сделала, быстро зашла в хлев.

– О! – радостно сказала она, увидев отцовскую рубашку. – Что надо.

Быстро продев руки, застегнула еще уцелевшие пуговицы. Выглядела лучше чем пугало, что стояло в огороде. Хотя, сказать честно, то пугало никого не пугало, разве что малышню, ну уж точно не птиц.

– Фух... – Вера с облегчением выдохнула и уже спокойно вышла из засады. – Где этот паршивец?

Она взяла прут, что стоял около калитки, он предназначался для коровы Машки. Та изредка пыталась прорваться к грядкам, где росли лук и морковь. Вот тогда прут и шел в дело, но Вера думала о другом.

– Где он может быть?

Чтобы не спугнуть, она прошлась по двору, заглянула в сарай, затем по лестнице поднялась на чердак, а оттуда через второе окно спустилась к бане.

Вера замерла. Лешка притаился в кустах и внимательно смотрел в сторону огорода, что уходил к реке. Он думал, что она вернется в дом именно этой короткой дорогой, но он ошибся.

Она стала медленно закипать от гнева. Ее брат как ни в чем не бывало сидел себе спокойно и ждал ее появления. Вера, набирая скорость, бросилась на своего обидчика.

– Козел! – крикнула она и со свистом опустила прут.

– А!!! – был вопль боли.

– Получи! Получи!

– А!!! – завопил Лешка и как ошпаренный забегал кругами по огороду.

Вера не остановилась, она бросилась вдогонку и, перепрыгивая через грядки, старалась достать прут брата. А тот, вопя, будто на него налетела стая ос, метался из стороны в сторону, не в состоянии найти калитку.

– Ты у меня еще получишь! Только попробуй кому-то рассказать. Где платье?

Но Лешка, найдя лазейку, словно пуля вылетел и скрылся в глубине огорода. Скомканное платье валялось там же, где он сидел в засаде.

– Вот паршивец.

Вера присела. На земле лежал старенький фотоаппарат Смена 8М, он хотел ее сфотографировать. Что-то внутри ее щелкнуло, сперва захотела засмеяться, но тут же вспомнила, что под рубашкой бегала без трусов. Что-то заныло в груди так протяжно, так тоскливо и нудно. Вера сжалась, обхватила колени и, забившись подальше в кусты, просто заплакала.

Она не в обиде на брата. Ну позлилась, бывает, свое он уже получил. Даже стало его жалко. Наверное, больно? Что-то зудило в груди. Она быстро расстегнула рубашку, схватила платье и стала натягивать его на себя.

И все же тогда что-то произошло. Что? Вера Степановна закрыла папку с новыми договорами, завтра разберется, устала, да и не до того.

Она долго вспоминала тот случай. Ее удивляло то состояние в душе, стыд, страх и почему-то думала о фотоаппарате. «Странно все это, странно», – говорила она сама себе. И когда вечером все были в доме, Вера тайком вышла в коровник. Покрутив головой и прислушавшись к голосам, быстро сняла с себя одежду. И опять страх и стыд, опять это щекочущее в груди состояние, от которого дух захватывало.

– Ну все. На сегодня все.

Вера Степановна встала из-за стола, взяла сумочку и быстрой походкой покинула свой кабинет.

2

Если вы в лесу замечаете только комаров, то вы ничего не смыслите в духе леса. Вера с самого детства любила лес, старалась убежать как можно дальше, но за ней словно на поводке следовала мама.

– Мам, мам, смотри, – тыкала пальчиком девочка в большой гриб, что рос на старой березе. – А вон еще, а вон там. Смотри, смотри.

И мама старалась не просто поддакнуть, мол, вижу-вижу, а объяснить, почему грибы растут на дереве, и почему муравьи бегают не наперегонки, а занимаются серьезным делом. Вера в округе знала все овраги, где бобры строят свои плотины, и где ходят журавли. Она не любила горожан, те в лесу громко разговаривали, да еще употребляли глупые слова. Вера следила за ними и невидимо двигалась по их следам. Вот бумажка от конфеты, а вот пустая пачка из-под папирос. Она шла и собирала весь тот хлам, а потом тайком возвращалась к их машине и все запихивала в выхлопную трубу. Вот потеха, когда их машина чихала и глохла. Этому трюку ее научил Сережка из класса.

Сезон грибов, жара сменилась дождями, и опять стало парить. Она с утра вместе с мамой убежала в лес. Лешка ныл, ему скучно, ягод нет, но и он умудрялся собрать целую корзинку сыроежек, они ему всех больше нравились. Вера искала лисичек, их можно есть прямо сырыми, но немного. Они потешные, ярко-желтые и все покосившиеся.

На следующий день мама занялась домашними делами, а Лешка убежал к Витьке достраивать крепость. Вера заскочила к Светке, но ее не оказалось дома, а Марина все еще не вернулась из города. Не спеша она шла по пыльной дороге, изредка из подворотни лаяли собаки, спрашивая, куда она намылилась. Но Вера держала путь к полю, что начиналось в конце деревни. Там уже третий год высаживали подсолнухи. Иногда они успевали вырасти такими огромными, что тебя и не видно в них. Тогда девочки убегали в поле и выискивали себе самые большие подсолнухи, срывали, садились и начинали лузгать еще молочные семечки.

Несмотря на то, что подсолнухи вымахали выше головы, семечки были еще мягкими. Вера не стала их рвать. Она приседала, если пролетали пчелы, и шла дальше. Сразу через дорогу поднимался холм, на котором росла пшеница. Она уже вымахала по пояс. Колосья еще не созрели, но уже тяжело качались из стороны в сторону. «И как это они не падают», – думала Вера, присматриваясь к тонкому стебельку.

Она поднялась на самую вершину холма. Отсюда даже чуточку деревня видна, правее лес, а там, внизу, протекает река. Вера села, достала из сумки пакет с вишней и стала жадно ее уплетать. «Интересно, а из косточек вырастет дерево? А если да, вот удивятся, когда весной тут будет маленькая чаща». И Вера старалась как можно дальше бросить косточку.

Солнце медленно поднималось все выше и выше. Она поправила шляпку, что настояла надеть мама, но та больше мешалась. Вера вздохнула и улеглась на спину. «О чем думают облака? Наверное, о ветре или грозе. А им не холодно зимой? А там сейчас жарко?» Вера села, повертела головой из стороны в сторону. Никого, только кузнечики и какие-то птицы.

– Круто, – сказала сама себе и шустро развязала пояс на платье.

Легкими движениями она сняла его и, не задумываясь, стянула светло-голубые, как небо, трусики. Все аккуратно положила в сумку, боялась, что подует ветер, и они улетят, потом бегай по полю ищи их.

Так легко и свободно. «Почему люди не могут вот так открыто жить?» – думала Вера, поглаживая свой пупок и прислушиваясь к голосам поля. – Куда они все спешат? Работа, дом, опять работа». Девочка вспомнила отца, как тот уходит из дома, пока она еще спит и приходит, когда она уже ложится в постель. «Что там делать?» Она не знала, хотя много раз спрашивала папу, кем он работает, но слово «контролёр» ей ничего не говорило.

Вера Степановна поставила свою резолюцию и отложила в сторону очередной контракт. Вчера уволили шесть разнорабочих, в пятницу те решили расслабиться и прямо в цехе выпили бутылку. Геннадий Терехов – спокойный старичок, но в его обязанности входит следить за охраной труда. Он не стал ругаться, без лишних слов написал докладную с требованием уволить нарушителей, и Вера утвердила его требование. Узнав об этом, начальник цеха Савельев в гневе ворвался к ней в кабинет.

– У меня партия в восемьдесят диванов, кто теперь будет вместо них работать? Вы?

– Нет, вы! – спокойно ответила Вера Степановна и ткнула пальцем в контракт. – Вы не проследили за подчиненными, вы отвечаете.

Лицо Савельева покраснело от негодования, что его какая-то пигалица взяла и поставила на место.

– Если будет срыв в производстве, я сошлюсь на вас.

– Не стоит, я уже поставила в известность зама. В ближайшее время подберем вам сотрудников.

И что она тут делает? Устала от бумажной волокиты. Конечно же, кто-то должен контролировать кадры, вот только руководство порой этого не понимает. Они думают, что все само собой будет и дальше идти. Человек устает на одном и том же месте работать, приедается и уже через пару лет прекрасный начальник цеха превращается в тормоз. Ему и так все хорошо, зарплата, премиальные, куда ему рваться вперед. Со временем он дает слабину, а после и все начинают копировать начальство. И вот уже цех выдал первую халтуру, брак и куча отговорок, что они в этом не виноваты. Вера Степановна придерживалась правила каждые четыре-пять лет переставлять сотрудников, а начальство вообще менять. Трудно конечно же, но зато всегда новые идеи. Вот и она уже сама планировала подать заявление на увольнение, но ее босс Артемьев и слушать ничего не хотел, даже оклад на всякий случай поднял.

– Вот бы сейчас в то поле, – тихо сказала Вера Степановна и, улыбнувшись, откинулась на спинку кресла.

Стрекот кузнечиков убаюкивал своей монотонностью. Вера не заметила, как задремала и провалилась в розовый туман своих сновидений. Что-то снилось, но чьи-то голоса вырвали ее из сказки. Она невольно открыла глаза, шляпка закрывала солнце. Вера потянулась и тут же замерла. Голоса доносились со стороны дороги, ветер нес их в ее сторону, и казалось, что люди совсем рядом. Вера осторожно убрала шляпку и, не поднимая головы, посмотрела по сторонам.

– Ни-ко-го, – произнесла она по слогам и прислушалась.

Говорили о колесах, о какой-то блесне на шуку, о спальнике, в котором, оказывается, есть дырка. «Что делать?» – подумала девочка и осторожно приподняла голову, чтобы посмотреть, как далеко они от нее. Но тут же Вера вспомнила, что она лежит голой и опять этот страх и холод. Как тогда в огороде у баб Клавы, когда Лешка утащил ее вещи, и ей пришлось голышом добираться до дома.

Появился стыд. А если ее увидят? Вдруг кто-то вздумает пойти в поле и наткнется на нее. Вера от страха окаменела, только глаза хлопали от яркого солнца.

Голоса были совсем рядом, казалось, протяни руку и коснешься того, кто так ярко убеждал, что лучше использовать леску темную чем светлую. Вера похолодела, даже солнце не могло согреть ее тело. Ей захотелось перевернуться на живот и быстро уползти. Но она не могла этого сделать, просто боялась даже подумать о том, чтобы пошевелиться.

Голоса то удалялись, то опять приближались. Тут Вера услышала детские голоса. Они звонко звенели, как птичий щебет.

– Пора, – наконец решила Вера и потянулась за сумкой, в которой лежали ее вещи.

Детские голоса приближались, они точно шли к ней. «Может, заметили?» – в панике подумала Вера и, быстро высунув голову над колосьями, посмотрела в направлении дороги. Мальчик тут же ее увидел и резко остановился.

– Все, хана... – шепотом сказала Вера и уже решила быстро надеть платье, но тут ее заметила девочка, что шла за мальчиком, и тоже уставилась на незнакомку в поле. – Вот черт!

Мысли лихорадочно заработали. «Одеться, бежать, одеться, бежать...»

– Мам, тут... – громко закричал мальчик.

Вера не стала дожидаться развязки, она быстро вскочила и со всех ног бросилась бежать как можно быстрее. Через секунду дети остались по другую сторону холма, но Вера продолжала бежать и бежать, пока не рухнула обратно на землю. Колосья пшеницы тут же ее скрыли. Тяжело дыша, она прислушалась к голосам, но их не было, они остались далеко позади.

– Фух... – радостно выдохнула Вера и, приподняв голову, посмотрела на вершину холма, но там никого не было, ни детей, ни взрослых. – Пронесло.

И сердце сразу успокоилось, стало жарко, даже душно. Вера раскинула руки и ноги в стороны, закрыла глаза и представила, как голышом бежала по полю. Не то стыд, не то радость, не то страх за то, что тебя голой увидели. В груди все щипало, а в животе урчало, словно давно уже не ела, но кушать не хотелось.

– Что это? – спросила она сама себя и положила ладони на горячий живот.

Вера Степановна подошла и включила кондиционер. Ей показалось, что она на том самом поле и солнце жжет ее кожу. Жар идет откуда-то из глубины. Она села обратно в кресло, облокотилась на стол и опять эти детские воспоминания. В груди что-то щипало и зудело. Вера прекрасно помнила это состояние. Но почему сейчас? «Наверное, устала», – подумала она и снова мысленно вернулась на то самое поле.

– А могла бы я сейчас так же поступить? – спросила себя и пальцы коснулись пуговицы на блузке. – Глупости, глупости, – сказала Вера Степановна и, вытянув руку, посмотрела на свои пальцы.

И все же ей понравилось то ощущение в душе, оно еще долго ее щекотало.

Вера лежала и млела под солнцем, так легко и свободно.

– И почему люди не летают? Вот было бы здорово, – говорила она, рассматривая облака и поглаживая свой живот. – Наверное, там живут воздушные человечки, они смотрят на нас и не понимают, что мы тут делаем на земле.

Вера вздохнула. Стрекот кузнечиков снова наваял на девочку дремоту, она прикрыла глаза и незаметно очутилась в своей сказке.

3

Наконец вернулась Маринка из города и сразу затрещала как сорока, рассказывая, что там увидела. Вера, развесив уши, слушала ее небылицы, как та ходила в цирк и с ней хоботом здоровался слон. Маринка бы все болтала и болтала, если бы Олег (он живет по соседству и учится в их же классе) не предложил пойти к путям. Ну, пути – это железная дорога, по которой мчатся пассажирские поезда. Они несколько раз ходили туда, правда далеко, километра три или даже больше. Но как прикольно слушать рельсы, они гудят словно паровоз. А когда пролетает поезд, ты стоишь и машешь всем, кого увидишь. Иногда тебе отвечают и тоже машут, некоторые показывают кулаки, а мальчишки строят рожицы. Ну и что, они уедут, а ты останешься.

– Во, смотри, – Олег достал из кармана металлический кругляшек.

– Что это? – спросила Маринка.

– Пять рублей.

– Что?! – выхватив из его рук, Вера стала рассматривать железяку.

Размер лепёшки был почти в два раза больше настоящих пяти рублей, но на ней остались вмятины с цифрой «пять» и надписью «рубль».

– Круто, – протянула Маринка. – Подари.

– Нет, сама сделаешь.

– Как? – тут же спросила она.

– Надо до путей дойти и на рельсы положить.

– И... – протянула Вера.

– Поезд как каток их расплющит.

– Нифига себе.

– Я еще гвоздь клал и конфету.

– И...

– Гвоздь так и не нашел, улетел, а от конфеты, – тут Олег шлепнул по руке ладонью, будто прихлопнул комара. – Лепешка.

– А яблоко?

– Тоже будет лепешка.

– А орех расколет?

– Еще как, но и от него будет лепешка.

– Жаль, – сказала Вера. – У меня их дома много.

– Пойдемте завтра на пути, – предложил Олег, покажу одно крутое местечко, там никого не бывает, можно лепешки поделать.

– Далекo, – тяжело выдохнула Марина.

– У меня есть велик, могу Сережкин взять. А у тебя, Верка, есть?

– Только колеса надо подкачать.

– Сделаем, – по-деловому сказал Олег и спрятал свою монету.

На том и порешили.

Добрались быстро, сперва по дороге, а после через поля и неглубокий ров вышли прямо к путям. Тишина, никого, только сороки трещат. Маринка достала целую пригоршню мелочи.

– На, – видя, что у Веры всего три монеты.

– Все сразу не кладите, и на расстоянии. Ты, Верка, вон туда, метрах в пяти, а ты вон туда, вперед топай.

– Это почему? – возмутилась Марина.

– Поезд пройдет, и монеты разлетятся, потом не понятно где чьи.

– А...

Вера с ювелирной точностью ровно по линейке выложила их в ряд. Олег подошел проверить, все ли правильно и, убедившись, что у нее все как надо, молча кивнул и пошел к Маринке.

Ждать поезда пришлось долго, минут десять или даже больше. Все извертелись, подбежали к рельсам, прикладывали уши в надежде услышать, но те все время гудели.

– Поезд, поезд! – закричал Олег и быстро побежал в сторону леса.

Через несколько секунд состав, грохоча, пролетел мимо них.

– Ну и длиннющий, – сбившись со счета, громко сказала Вера.

– Это еще ничего. Вот вчера насчитал восемьдесят шесть вагонов, трубы везли.

Наконец поезд умчался, в ушах еще звенело, но троица уже бросилась на поиски своего расплющенного клада. Некоторые монеты стали вытянутыми как маленькое яйцо, а некоторые даже треснули, но и они представляли ценность.

– Круто, круто, – повторяла Маринка, раскладывая на песке свои медальки.

– А у меня две улетели, не могу найти, – пожаловалась Вера.

– На, – опять Марина всучила ей несколько своих лепешек.

– Давайте еще? – предложил Олег.

– А у меня больше нет.

– И у меня.

– Ладно, – Олег порылся в кармане и достал ровно три старых, уже вышедших из обихода двухкопеечных монет.

В этот раз поезд был пассажирским. Девочки стояли подальше и весело кричали всем, кто мог их увидеть.

День закончился. Они, уставшие, но до жути были довольные приключениями, вернулись домой. На следующий день Олег уехал по делам с матерью, и девочки, долго не думая, сели на велики и с новой горстью монет поехали к путям.

Они не спеша превратили все монеты в очередные лепешки, сели около леса и стали внимательно рассматривать их.

– Поезд, – сказала Марина.

– У меня больше нет.

– И у меня.

– А если эти обратно положить?

– Давай.

После того как промчался поезд, металлические лепешки стали еще больше и тоньше, но часть из них безвозвратно потерялась, куда-то улетели.

– Сейчас должен быть пассажирский.

Вера заулыбалась. Она уже поняла, что хочет сделать Маринка. Вера соскочила и побежала к лесу. Поезд уже появился, а они еще не готовы. Вера шустро расстегнула шорты и лихо стянула их, бросила на землю и туда же через секунду полетела футболка.

– Ну давай же! – перекрикивая стук колес, Маринка голышом запрыгала на кочке.

Вера весело засмеялась и тоже стянула с себя трусики и стала ими махать, словно это флаг. Поезд с грохотом летел мимо. Из окон смотрели удивленные глаза, кто-то показывал им язык, кто-то кулаки, а кто-то весело махал руками.

– Ииии... – визжала Маринка.

– Аааа... – стараясь как можно громче орала Вера.

Они радостно прыгали, демонстрируя свои тощие тельца для любопытных взглядов. Еще несколько секунд, и последний вагон с грохотом умчался куда-то на восток.

– Здорово.

– Ага.

– Может еще?

– Долго ждать.

– Да ладно тебе.

– Я есть хочу.

– Еще полчаса, и поедем обратно. Договорились?

Вера не стала спорить с Маринкой, они так и сделали. В этот раз поезд вез какие-то трактора, они немного помахали, но удовольствие было уже не то.

Дизайнерский отдел занимал огромное помещение. В прошлом здесь располагался экспериментальный цех. Огромное помещение, разделенное множеством перегородок и толстыми колоннами. Вере Степановне нравилось то, что этот отдел со всех сторон был окружен окнами. Создавалось впечатление, что ты в аквариуме: солнце и пространство. Странно, но в этом помещении дышалось легко. Кто-то умудрился поставить по центру огромный фикус, а уже к концу года в дизайнерском отделе красовалось более десятка деревьев, прямо как в маленьком лесу.

– Подскажите, где Лукин?

– А... – девушка подняла голову и закрутила ею во все стороны. – Кажется, он вон там, – и ткнула пальцем в сторону аварийного выхода.

– Спасибо.

Молодая женщина обошла несколько диванов, повернула и решила пройти напрямую, но уперлась в стеклянную перегородку. Юноша, увидев, что она в тупике, замахал рукой, показывая вариант, как выбраться из лабиринта.

– Нда, – протянула Вера Степановна и пошла обратно к диванам.

Дизайнеры не от мира сего, с ними нужно быть поаккуратнее, могут и обидеться. Она могла уволить с десятков рабочих из цеха, но разработчики – это отдельный случай. Вот и бегала к ним лично, чтобы утрясти вопросы с продлением контрактов.

– Подождем? – скорчившись, спросила Маринка и присела на кочку. – Ай! – вскрикнула и соскочила.

– Что?

– Укусил.

– Кто?

– Муравей, во какие злющие, – она нагнулась и стала тыкать пальцем в толстый мох.

– Давай, – с легкостью согласилась Вера и посмотрела на пути, но поезда не было видно.

В лесу совсем иные звуки, не то, что в деревне или в поле. Где-то очень далеко куковала кукушка, даже был слышен стук дятла. Девочки, поджав коленки, сидели и внимательно слушали лес.

– Слышишь?

– Поезд?

– Нет, белки.

Вера закрутила головой, но белок так и не увидела, зато услышала далекое гудение. Они дружно вскочили, на лицах сразу появилась улыбка. Девочки стали вертеть головами то вправо, то влево, ожидая появления локомотива.

– Пассажирский, – крикнула Маринка и выбежала поближе к путям.

Вера не отстала. Она залезла на какой-то бетонный столбик и, балансируя на одной ноге, весело замахала проезжающим вагонам. Вера видела их лица, и чем больше они возмущались, тем веселее девочки кричали от радости. У них был такой щенячий восторг, будто им подарили целый мешок конфет. Вера не удержалась на столбике и упала на землю, но это ей не помешало, она соскочила и продолжила скакать.

Поезд промчался, а душа все еще прыгала и не хотела останавливаться. Они от смеха повалились на траву и, рассматривая небо, долго не могли прийти в себя.

– Почему? – спросила себя Вера Степановна. – Почему нам было так весело? Ведь глупо прыгать голышом перед пролетающим мимо тебя пассажирским составом.

«Почему?» – подумала молодая женщина и закрыла за собой дверь в кабинет. Она много раз вспоминала те минуты и, кажется, начинала ощущать хулиганский восторг. Тебя никто не поймает, не накажет. А что тут такого? Ну, попрыгали. Но их лица... Кто бы видел. У кого-то глаза округлялись, и даже рот от удивления открывался, а некоторые наоборот начинали злиться и отворачиваться. «Что тут такого?» – опять спрашивала Вера Степановна, ведь мы были детьми. «Они что, не видели девчонок? В баню не ходили? Глупые». Опять это странное состояние в душе. Где-то там, глубоко внутри тебя, начинает все щекотать и хочется раскрыться. Вера улыбнулась, пальцы коснулись пуговицы на блузке.

За тонкой перегородкой ее кабинета раздались голоса. Женщина посмотрела на стенку и, улыбнувшись, положила руку на стол. Она дышала не спеша. Щекотка в груди стала медленно растворяться. «А может зря?» – подумала она и опять вспомнила то лето и мелькающие окна вагонов.

4

– А что тут хотели построить? – Спросила Вера у Светки.

– Не знаю. Может, контору.

– Да брось, сколько же их тут могло поместиться.

Деревня была небольшой, чуть более сотни дворов, и самое большое здание – это школа: целых пять этажей. Строить начали, когда Вера еще только пошла в садик, а после стройку забросили, точно так же как и свиноферму. Теперь это просто развалины, как после апокалипсиса. Два огромных монстра посреди поля, так и хотелось спросить, как они тут очутились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.